

Н. Лернер

ПЕСЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

Пушкин, прежде чем приступить к изучению Пугачевщины, уже давно, не случайно, а, насколько это возможно было в его житейской обстановке, систематически изучал и собирал русские народные песни. Записывал он их в свое время в Михайловском, потом в Болдине, а впоследствии, собираясь на восток России, в те места, где когда-то разворачивались грозные события восстания, рассчитывал найти там новую поэзию — собрать песни, в которых отразилось величайшее революционное движение, пережитое народом в минувшем веке. Но поэзия оказалась не велика. 17 января 1834 г. П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он кажется, ни одной не привез, по крайней мере мне не присылал»¹. Добыча была действительно скудной, да и не могла быть обильной. На местах Пушкин был очень недолго и не имел времени ни для того, чтобы найти людей, знавших старинные песни, ни в особенности для того, чтобы расположить к себе этих людей и завоевать их доверие. В Бердах, под Оренбургом, рассказывает В. И. Даль², удалось разыскать «старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла

¹ «Исторический Вестник» 1883/, дек. стр. 538—539.

² «Воспоминания о Пушкине», напечатанные в сборнике Л. Н. Майкова «Пушкин», СПб, 1899, стр. 417—418.

изба, обращенная в золотой дворец... указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачева, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец... Червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в том краю столько страшных воспоминаний, но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до греха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец, и донесли: „вчера де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой не велик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под пугачевщину и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти“. Пушкин много тому смеялся».

Будь Пушкин заправский специалист, записывающий народные песни, это его скорее опечалило бы, чем рассмешило. Впрочем с настоящим специалистом, тип которого лишь впоследствии развила русская этнография, такой казус и не мог бы случиться: тот знал бы, как подойти к «простому» человеку и не возбудить в нем недоверия. Из слов Даля, что старуха пела Пушкину песни, относившиеся «к тому же предмету», т. е. к Пугачевщине вообще, мы не можем вывести сколько-нибудь точных, конкретных данных. Мало находим мы их и у других современников. Н. А. Кайдалов¹, бывший при этом по-

¹ Из газ. «Современные Известия» 1880, № 164, перепеч. в «Трудах Оренбургской Ученой архивной комиссии», вып. VI, 1900, стр. 215.

сещении, рассказывал впоследствии: «по входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачева, много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил стариков, которым роздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург... Он суеверным старикам и особенно старухам не понравился тем, что, вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти; за то его прозвали антихристом; даже некоторые не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые». Этот свидетель, надо заметить, говорит только об одной песне, сообщенной Пушкину старухой. Другая современница, — правда, не свидетельница, — на основании чужих слов недели через две писала об этой самой старухе и Пушкине: «она рассказывала ему много любопытного и даже пела ему несколько пугачевских песен»¹. Месяца два спустя та же особа ездила в Берды к старухе, которую посетил Пушкин. «Мы посетили ее — рассказывает она² — с тою же целью. Взяли с собою бумаги и карандаш, чтобы записывать, если она будет нам, как и Пушкину, петь песни». Старуха сообщила гостям, что действительно знала Пугачева («ничего греха таить: моя вина»). «Сказывала нам сочиненные в то время песни, и мы записали их». (Записи не дошли до нас). При этом старуха «со слезами на глазах» вспомнила о неприятностях, недавно перенесенных ею из-за Пушкина, который про-

¹ Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгельке 25 сент. 1833 г. («Русский Архив» 1902, II, стр. 647).

² Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгельке (Майков, «Пушкин» стр. 427—429; «Русский Архив», 1902, II, стр. 658—660).

извел на окружавших ее впечатление сущего «антихриста». Она «песни ему пела про Пугача», а бабы-соседки встревожили ее указанием на антихристовы когти любознательного гостя и достоверною ссылкой на «писание», где «сказано, что антихрист будет любить старух, заставляя их песни петь и деньгами станет дарить». На старуху это так подействовало, что она сама потребовала, чтобы ее отвезли в Оренбург к начальству, и успокоилась только тогда, когда ей сказали там, что «ему сам государь позволил об Пугаче везде расспрашивать».

Л. Н. Майков¹ по этому поводу заметил, что «в народе сохранилось мало песен касательно этого события (Пугачевщины): в 9-м выпуске сборника Киреевского помещено всего восемь² песен, имеющих отношение к Пугачевскому бунту и связанным с ним событиям, да еще одна песня сообщена М. Л. Михайловым в его «Уральских очерках» (Морской Сборник» 1859, № 9). Из песен, находящихся в сборнике Киреевского, только две записаны в Оренбургском крае и в том числе одна — Далем. Поэтому можно думать, что Бердская старуха пела Пушкину вообще казацкие песни, а не только из времен Пугачевщины».

С приведенными показаниями надо сопоставить еще один, позднейший, рассказ С. Н. Севастьянова³, который передает со слов опрошенной им в 1899 г. 86-летней казачки Блиновой, помнившей пребывание Пушкина в Бердах, что Пушкин, увидев на улице сидевшую у своего

¹ «Пушкин», стр. 430.

² Не восемь, а меньше. В одной из них (стр. 248—249 № 5), нет ни намека на Пугачевщину; другая, украинская «Ой, спав Пугач на могили» (стр. 368—369), точно перепечатанная из «Украинских народных песен, собранных Михайлом Максимовичем», ч. I, М., 1834, стр. 129, вовсе не относится к Пугачевщине, и говорится в ней не о Пугаче, а о пугаче (филине).

³ «Труды Оренб. Учен. архивн. ком.» VI, стр. 161, 233—234.

дома казачку Бунтову, «которой было лет за шестьдесят», подошел к ней и «вероятно, увидав, что она очень древняя, спросил Бунтову, не знает ли она что-либо про Пугачева. Старушка ответила, что она всё знает про Пугачева и даже песню, что про него сложена. Господа попросили ее спеть. Бунтова спела им одну песню». После этой она по их просьбе еще спела им две песни. «Какие слова этих песен, я не упомню, но говорилось про Пугачева, как он воевал, как вешал». Рассказчица вспомнила, как будто в них есть слова:

Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать».

Далее Блинова описывает наружность Пушкина, не забывая упомянуть об его «предлинном ногте», и сообщает, что Бунтова показала приезжим, где в Бердах жил Пугачев, и что, дав ей «сколько-то денег», приезжие «пошли от Бунтовой вниз по улице, а Бунтова возвратилась домой». Если вспомнить, что Блинова рассказывала о событии не особенно для нее замечательном и притом 65—66 лет спустя, то ее рассказ надо признать довольно точным¹, и потому можно поверить, что ее крепкая память точно сохранила стих одной из действительно пропетых Бунтовой песен. Встречу с Бунтовой Пушкин считал своею удачей (*bonne fortune*) и писал жене, что старуха помнит пугачевское время, «как мы с тобою 1830-й год, — я от нее не отставал».

Л. Н. Майков², думая, что Бунтова пела Пушкину не только пугачевские, но и вообще казацкие песни, вместе с тем предположил, что следы их должно искать в эпиграфах к некоторым главам «Капитанской дочки». На это

¹ Нас интересуют только песни, а сопоставление вообще рассказов Ворониной, Блиновой и Кайдалова и согласование некоторых противоречий, встречающихся в них, произведено Д. Н. Соколовым («Пушкин в Оренбурге», — «Пушкин и его современники», стр. XXIII—XXIV 1916 г.

² «Пушкин» стр. 430.

Д. Н. Соколов¹ возразил, что «большинство эпиграфов взято там совсем не из народных песен (для последних источники указаны Н. Н. Трубицыным: «Пушкин и русская народная поэзия» в изд. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, IV, стр. 63—64). Но песню капитана Сурина², начало которой приведено в примечаниях к «Истории Пугачевского бунта»:

Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Вышел капитан Сурин
Со командою один,

как раз должна была знать Бунтова, так как она касалась ее родины, крепости Нижне-Озерной».

В бывшей при Пушкине в эту поездку записной книжке сохранилась следующая песенная запись:

Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.
Он³ нечаянно⁴ в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов до пяти,
Рядовых сот до 6.

Ур.⁵ Казаки
были дураки
Генерала убили
Госуд

¹ «Пушкин и его современники», XXIII—XXIV, 98).

² Sic! Вернее — о капитане Сурине.

³ Пугачев, который, заняв Рассыпную, двинулся на Нижне-Озерную и по дороге повесил высланного против него Сурина («История Пугачевского бунта», 1, стр. 25).

⁴ Пелось, вероятно, «нечаянно» (неожиданно).

⁵ Конечно «Уральские».

Из этих четырнадцати строк Пушкин четыре вышеупомянутые стиха привел в «Истории Пугачевского бунта»¹, первые десять были помещены в «Отчете Имп. Публ. Библиотеки за 1889 г.», СПб 1893, стр. 56, а последние четыре напечатаны мною в газ. «Речь» 1910 г.² Вся же целиком запись печатается впервые здесь. Предположение Д. Н. Соколова, что песня о капитане Сурина была пропета Пушкину именно Бунтовой, тем вероятнее, что едва ли Пушкин сделал более точные и подробные записи; последние не только не дошли до нас, но вряд ли и существовали, так как их, как мы видели, не получил от Пушкина и Киреевский. Песню, в которой сохранилась память о Сурина, Пушкин назвал «солдатской», а вовсе не казачьей, и она действительно не казачья, так как в ней заключается резкое порицание и Пугачева, и вообще восстания. Если не вся, то во всяком случае в значительной части она дошла до нас в записи, которую мы здесь и приводим, так как эта запись до известной степени знакомит нас с теми песнями о Пугачевщине, которые довелось услышать Пушкину. Ее сохранил в своих «Преданиях о Пугачеве» талантливый писатель-казак Иоасаф Железнов, который в середине 1840-х годов застал еще в живых нескольких современников Пугачева, а в 1858 г., разъезжая по Яику, «подбирал крупницы, оставшиеся от старинного пирования», прибавляя к ним и то, что уцелело в его памяти из времен детства и юности³, не особенно далеких, значит, от того времени, когда на места Пугачевщины приезжал Пушкин. Старик И. М. Бахиров, отец которого лично знал Пугачева, пропел Железнову следующую песню⁴:

¹ Ч. I, СПб, 1834, примеч., стр. 30, с единственным вариантом: «Вышел» (вместо «Выслан»).

² № 45, 15 февраля, «Забутые стихи Пушкина»; вошли в Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 219, № 1072.

³ «Уральцы. Очерки быта уральских казаков». Полн. собр. соч. И. И. Железнова, изд. 3-е, т. III, СПб, 1910, стр. 135—136, 137.

⁴ Там же, стр. 166—168.

Того месяца сентября
Двадцать пятого числа
В семьдесят первым¹ году
Во Яике-городу
Приходили к нам скоры вести:
Не бывать нам на месте.
Яицкие казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их честь,
Задумали в един час:
Генерала они убили
В том не мало их судили;
Государыня простила —
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака,
Донского казака —
Емельяна Пугача!
Он ко Гурьеву подходил,
Ничего не учинил.
От Гурьева возвратился,
С своей силой скопился.
К Яику подходил,
Из пушечек палил.
От Яицкого городка
Протекла кровью река.
Он к Илецку подходил,
Из пушечек палил.
Илецкие казаки —
Изменщики-дураки —
Без бою, без драки
Предались вору-собаке.
В Татищевой побывал,
Всю артиллерию забирал.
Артиллерию забирал,
Рассыпну крепость разбивал.
Из крепости Озерной,

¹ Исправляя хронологическую ошибку, Железнов предложил старую вместо «первым» петь «третьем» (там же, стр. 168).

На подмогу Рассыпной,
.....
.....
В крепости Рассыпной
Был инералик молодой.
Инерал Лопухин был смел,
На коня он скоро сел.
На коня он скоро сел,
По корпусу разъезжал,
По корпусу разъезжал,
Всем солдатам подтверждал:
— Ой вы, гой еси, ребята,
Осударевы солдаты!
Вы стреляйте, не робейте,
Свинцу-пороху не жалейте.
Когда мы вора поймам,
Хвалу себе получим...

— «Дальше запомню, — сказал Иван Михайлович, кончив пение. — Да и смолоду-то я не очень любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их одрало, — прибавил рассказчик, — солдаты же, знамо, и приплели тут

Донского казака
Емельяна Пугача.¹

А по-нашему, — продолжал старик, — по нашему он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович».

Причина скудости пушкинской песенной жатвы в краях Пугачевщины заключалась не только в кратковременности его поездки и в наивности его собирательских приемов (он подходил к народу как барин, да еще иногда в сопровождении местного начальства, а это и подавно не внушало доверия к расспросчику), но и в особенностях самого материала. О Пугачеве люди боялись го-

¹ Нами песня воспроизведена с полной точностью; обозначенные точками купюры находятся в подлиннике. Более краткий вариант см. в «Песнях, собранных П. В. Киреевским,» под ред. П. А. Бессонова, вып. 9, М, 1872, стр. 245—246 («В тем Сударыня простила...»).

ворить откровенно с человеком, который их «подбивал под пугачевшину», и весьма характерно, что единственная запись Пушкина — несколько стихов из «солдатской» песни, т. е. антипугачевской, несомненно внушенной солдатам правительством. Если верить Блиновой, то не трудно догадаться, что совсем другого направления была та песня, из которой уцелел в ее памяти стих:

Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать.

Так, вероятно, отвечал плененный Пугачев допрашивавшему его генералу. С этими насмешливыми словами песни как нельзя лучше сходится передаваемый Пушкиным подлинный ответ Пугачева графу Панину, который спросил его: «Как смел ты, вор, назваться государем? — Я не ворон, — возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно: — я вороненок, а ворон-то еще летает»¹. Дивиться ли эпической яркости этого великолепного в своем роде ответа на графскую ругань, если даже генерал Бибииков, принимая от Екатерины поручение преследовать Пугачева, сумел кстати напомнить ей народную песню о сарафане, который «езде пригожается, а не надо, — и под лавкой лежит»?²

Как ни мало дошло до нас песен о пугачевщине, все-таки есть некоторая возможность судить о жанре песен не «солдатских», а выразивших сочувствие восстанию. Мнение П. А. Бессонова, что «у Пугачева, от лица его и за него, от народа нет особой песни; народу в песне представляется он счастливым гуляющим человеком, на которого чешутся руки, либо разбойником-преступным, либо «несчастливым», либо даже смехотвором; геройской

¹ Железнов (там же, стр. 195, 222) приводит казачий рассказ об «отроке», сыне Пугачева, и находит, что в нем «видна мысль заговорщиков высшего полета, мысль такого рода: если не удастся Пугач, авось удастся Пугаченюк». Но намек самого Пугачева Панину гораздо грознее и многозначительнее.

² «История Пугачевского бунта», 1834 г., стр. 57.

черты ни одной и хоть какого-либо подъема повыше, способного настроить творчество величавее, не видно нигде: просто Пугачев, и концы в воду»¹, — это мнение курьезного историка, считавшего пугачевское движение «безобразием», которое временно «прервало по обычаю XVIII века народную песню тогдашней русской славы»², опровергается хотя бы напечатанной самим же Бессоновым песней³, в которой Панин спрашивает Пугачева, много ли он перевешал князей и бояр, а Пугачев отвечает:

Перевешал вашей братьи семь сот семи тысяч⁴.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варовинны⁵ возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил.

Тут же, рядом, другая песня⁶ с явным сочувствием изображает «добротою молодца Емельяна казака сына Ивановича», который после трехсуточного боя «горючьими слезьми заливаётся», чуя «над собой невзгодушку». Песня эта не кончена, сообщено только ее начало, что случилось, надо думать, совсем не спроста. Без окончания осталась и другая песня — о «генерале Пугаче»⁷. А вот «солдатская», т. е. правительственная, явно сочиненная

¹ «Песни, собр. П. В. Киреевским», вып. 9, стр. 243—244.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 248, № 4.

⁴ И это вошло в эпос из подлинной действительности. В другом месте Пушкин рассказал об одном безносом симбирском дворянине (поэт, очевидно, знал его имя, которое заменил ***), осыпавшем укоризнами плененного и сидевшего на цепи Пугачева. «Пугачев, на него посмотрев, сказал: — Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной обравинны, признаюсь, не видывал» («Современник», т. VIII, 1837, стр. 229—230).

⁵ «Варовые, помягче и порастяжнее» (Песни, собранные Киреевским», вып. 9, стр. 248)

⁶ Там же стр. стр. 247, № 3.

⁷ Там же, стр. 246—247, № 2.

«под народ», песня¹ о «проклятом человеке», «воре — собаке» Пугачеве, которого «нанесло вихрем на святую Русь», когда

Уж при славной было при царице,
При матушке при царице Катерине Алексеевне,
Уж весь-то народ русский жил во счастьеце,
В счастьеце, во раздольице, во богатьем житю.
Уж как все-то купцы себе дом накопили,
А бедные-то ни в чем нужды не видали,
Все жили и молили за царицу...

Если Пушкину были известны подобные песни, то он, конечно, с презрением отбросил эти бессовестные и воздарные подделки. С другой стороны, он едва ли имел возможность дать в своей «Истории» место песням, выражавшим сочувствие восстанию и его вождю и исходившим из подлинно-народных, в частности казачьих, кругов. Но он с очевидным удовольствием воспроизводит в примечаниях (к 4-й главе) такой образец народного красноречия, как письмо пугачевцев к Оренбургскому губернатору, а в «Капитанской дочке» не забывает отметить, что воззвание Пугачева о сдаче крепости, «писанное каким-нибудь полуграмотным казаком», составлено было «в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей». Больше простора дал поэт своим сочувствиям в «Капитанской дочке», которая богата претворенным (не в прямых цитатах) эпическим элементом. В своем гениальном романе Пушкин ярко подчеркивает «эпичность» Пугачева. Стоит вспомнить его «диководновенную» сказку об орле и вороне, его «любимую песенку» — «Не шуми, мати зеленая дубровушка», эту истинную жемчужину русского народного песнетворчества, весь стиль речей Пугачева и его товарищей.

¹ Там же, стр. 248—250, № 6.

*

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“
— 1833—1837 —

Вып. II.

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 4